Ганс Христиан Андерсен

Сердечное горе

Рассказ этот состоит, собственно, из двух частей: первую можно бы, пожалуй, и пропустить, да в ней содержатся кое-какие предварительные сведения, а они небесполезны.
Мы гостили у знакомых в имении. Случилось так, что наши хозяева уехали куда-то на день, и как раз в этот самый день из ближайшего городка приехала пожилая вдова с мопсом. Она объявила, что желает продать нашему хозяину несколько акций своего кожевенного завода. Бумаги были у нее с собой, и мы посоветовали ей оставить их в конверте с надписью: "Его превосходительству генерал-провиант-комиссару..." и прочее.
Она внимательно выслушала нас, взяла в руки перо, задумалась и попросила повторить титул еще раз, только помедленнее. Мы исполнили ее просьбу, и она начала писать, но, дойдя до "генерал-пров...", остановилась, глубоко вздохнула и сказала:
— Ах, я ведь только женщина!
Своего мопса она спустила на пол, и он сидел и ворчал. Еще бы! Его взяли прокатиться ради его же удовольствия и здоровья, и вдруг спускают на пол?! Сплюснутый нос и жирная спина — вот его внешние приметы.
— Он не кусается! — сказала его хозяйка. — У него и зубов-то нет. Он все равно, что член семьи, проданный и злющий... Но это все оттого, что его много дразнят: внуки мои играют в свадьбу и хотят, чтобы он был шафером, а это тяжеленько для бедного создания!
Тут она передала нам свои бумаги и взяла мопса на руки.
Вот первая часть, без которой можно бы и обойтись.
Мопс умер — вот вторая.
Это случилось через неделю. Мы уже переехали в город и остановились на постоялом дворе. Окна наши выходили во двор, который разделялся забором на две части; в одной были развешаны шкуры и кожи, сырые и выделанные; тут же находились и разные приспособления для кожевенного дела. Эта часть принадлежала вдове.
Мопс умер утром и был зарыт здесь же, на дворе. Внуки вдовы, то есть вдовы кожевника, а не мопса — мопс не был женат, — насыпали над могилкой холмик, и вышла прелесть что за могилка; славно, должно быть, было лежать в ней!
Холмик обложили черепками, посыпали песком, а посредине воткнули пивную бутылку горлышком вверх, но это было сделано без всякой задней мысли.
Дети поплясали вокруг могилки, а потом старший мальчик, практичный семилетний юноша, предложил устроить обозрение мопсенькиной могилки для всех соседних детей. За вход можно было брать по пуговке от штанишек: это найдется у каждого мальчика; мальчики же могут заплатить и за девочек.
Предложение было принято единогласно.
И вот все соседские ребятишки пришли на выставку и заплатили по пуговке; многим мальчикам пришлось в этот день щеголять с одной подтяжкой; зато они видели мопсенькину могилку, а это ведь чего-нибудь да стоило!
Но за забором у самой калитки стояла маленькая оборванная девочка, прехорошенькая, кудрявая, с такими ясными голубыми глазами, что просто загляденье! Она не говорила ни слова, не уронила ни одной слезы, она только жадно вытягивала шейку и старалась заглянуть дальше, как можно дальше во двор. У нее не было пуговицы, и потому она печально стояла на улице, пока другие дети входили и выходили. Наконец перебывали все и ушли. Тогда девочка присела на землю, закрыла глаза своими загорелыми ручонками и горько, горько заплакала. Только она одна не видала мопсенькиной могилки! Не видала!.. Вот было горе так горе, великое, сердечное горе, каким

бывает горе взрослого.
Нам все это было видно сверху, а когда смотришь на свои ли, чужие ли горести сверху, то они кажутся. только забавными.
Вот и весь сказ. Кто не понял, пусть купит у вдовы акции кожевенного завода.